

В последние дни Линь Мудун немного тревожился - взгляд Сяо И изменился. Очень часто он замечал, что Сяо И украдкой смотрит на него. В глубине его глаз словно скрывалось что-то бурное, но сдерживаемое, и от этого у Линь Мудуна невольно сжималось сердце.

Он побежал жаловаться Чжоу Ли:

— Ты знаешь, особенно когда он стоит у меня за спиной, я чувствую себя жирной аппетитной жареной курицей. Мне кажется, он вот-вот меня съест. Ли-гэр, в последние дни я его немного боюсь.

Чжоу Ли спросил:

— А раньше почему ты мне об этом не рассказывал?

Линь Мудун задумался. Раньше Сяо И так себя не вёл, всё началось совсем недавно. С той грозовой ночи, после которой они с Сяо И стали спать в одной кровати, Сяо И изменился.

— Уже несколько раз ночью я точно помнил, что засыпал один на самом краю кровати, а утром просыпался, и оказывалось, что я его обнимаю. Я каждый раз тихонько отползал и даже не смел дать ему понять. Если он узнает, что я, молодой гэр, каждую ночь сам лезу обнимать мужчину, он наверняка станет меня презирать! — маленькое лицо Линь Мудуна совсем помрачнело от тревоги, в глазах стояли слёзы.

Чжоу Ли обнял его:

— Я слышал, есть такая болезнь - лунатизм. Во сне человек делает то, о чём сам ничего не знает. Дун-гэр, возможно, ты заболел. Сегодня ночью свяжи себе руки и ноги и так ложись спать.

Линь Мудун посмотрел на Чжоу Ли взглядом, ясно спрашивающим: ты это серьёзно?

Чжоу Ли только хихикал без остановки.

— Ай-я, ай-я, да я и то понимаю больше тебя. Даже если объясню, ты всё равно не поймёшь. Сяо И вовсе не хочет тебя «съесть», он просто хочет переспать с тобой, — Чжоу Ли с ходу выдал ошеломляющую фразу.

Но для Линь Мудуна эта бомба оказалась холостой. Он снова задумался: а что значит «переспать с ним»?

— Горный дух! Он хочет вселиться в меня!

Чжоу Ли: ...

Да он ведь и правда ничего не понимает.

Линь Мудун немного приуныл. Он не знал, чем рассердил Сяо И, что тот теперь так на него смотрит. Сам Линь Мудун был робким и тем более не осмеливался спросить напрямую.

Он ещё не успел толком разобраться в своих тревожных мыслях, как в старшей ветви семьи Сяо уже подошло время свадьбы. Линь Мудуну и Сяо И пришлось встать очень рано, чтобы пойти помогать переносить столы и готовить еду. Шум свадебной процессии становился всё ближе. Линь Мудун сладко спал, раскинувшись на Сяо И, пока его не разбудили звуки снаружи. Он потёр сонные глаза, зевнул, взял гребень и сел на край кровати расчёсывать волосы.

Его волосы были мягкими и гладкими; распущенные, они косо рассыпались по плечам. Сяо И поймал одну прядь, поднёс к пальцам и тихо вдохнул её запах.

Линь Мудун замер. Сердце будто пропустило удар, и от напряжения он не смел даже пошевелиться. Сяо И снова смотрел на него тем самым взглядом. В уголках губ появилась дурная, чуть озорная улыбка - сдержанная и в то же время почти безумная.

Причём теперь всё стало ещё хуже. Раньше он хотя бы поглядывал украдкой, а теперь делал это совершенно открыто. Эта ухмылка делала его похожим на какого-нибудь городского хулигана. Только Сяо И был красив, держался порядочно и совсем не походил на бездельников и проходимцев. Линь Мудун и сам не мог объяснить, что именно чувствует. Он растерянно сжимал деревянный гребень, а потом осторожно забрал обратно прядь, с которой играл Сяо И.

Сяо И, похоже, тоже немного пришёл в себя, и взгляд его стал спокойнее.

Закончив причёсываться, Линь Мудун достал коробочку с помадой. Одна такая стояла несколько сотен вэней, поэтому в обычные дни он жалел её использовать. Но сегодня был важный день, и немного принарядиться было вполне уместно.

Сяо И забрал коробочку:

— Я тебе нанесу.

В последнее время Линь Мудун немного его побаивался, поэтому не осмелился возражать. Ему оставалось только поднять лицо и приблизить губы к руке Сяо И.

Сяо И подхватил фулана за подбородок, кончиком пальца зачерпнул немного помады и осторожно начал наносить её на губы.

Он совсем не знал меры и покрасил Линь Мудуну губы так густо, что они стали похожи на две ярко-красные сосиски. Линь Мудун заметил это лишь выйдя из дома и взглянув на своё отражение в воде. Покраснев, он вернулся, стёр всё и покрасил губы заново.

За его спиной Сяо И всё-таки не удержался и рассмеялся.

Снаружи уже торопили Чжоу Ли и Чэнь Сяньюэ:

— Дун-гэр, быстрее! Невеста уже у въезда в деревню, все туда пошли, и мы тоже пойдём посмотрим.

— Уже иду, — откликнулся Линь Мудун, на ходу перекинул через плечо маленькую матерчатую сумочку и поспешил наружу. Наконец-то ему не нужно было ломать голову, как бы избежать Сяо И.

По дороге свадебной процессии семья Цинь должна была разбрасывать арахис, семечки и финики. Чем больше сумеешь собрать, тем больше получишь счастья - таков был обычай в деревне Сяохэ. Линь Мудун был невысок, да ещё и робел среди незнакомых людей, поэтому его очень быстро вытеснила из толпы кучка тётушек и фуланов. Ему оставалось лишь подбирать то, что разлетелось по краям дороги, причём многое уже успели растоптать.

Сяо И обернулся и увидел, что его маленького фулана вытеснили чуть ли не на самый край. В голове тут же мелькнула мысль. Пользуясь своим ростом, он протиснулся в толпу, поднял руку и громко крикнул:

— Давайте я разбросаю! Я!

Прямо на глазах у старшего двоюродного брата он отобрал поднос и добрую половину содержимого высыпал прямо к ногам своего фулана.

Увидев, как Линь Мудун по-детски воскликнул «вау», Сяо И закинул руку на плечо старшего двоюродного брата, вернул ему поднос и поторопил:

— Давай, давай, скорее разбрасывай, не пропусти благоприятный час.

Старший сын семьи Сяо только ошеломлённо уставился на него. Услышав, как его ещё пару раз поторопили, он уже не успел ничего обдумать и снова принялся заниматься делом.

А Чжоу Ли и Чэнь Сяньюэ тем временем успели и по ногам получить, и друг друга с толпой порастерять. Когда наконец выбрались наружу и посмотрели на добычу, оказалось, что у них вдвоём не набралось и половины того, что было у Дун-гэра. Оба невольно подумали: люди и правда живут по-разному.

Чэнь Сяньюэ пнула Даяна. Тот совершенно растерялся. За что его пнули? Он опять что-то сделал не так?

Линь Мудун, прижимая к себе маленький свёрток, растерянно улыбался и поделился с друзьями своими любимыми красными финиками. Вместе они протиснулись в первый ряд, чтобы получше рассмотреть свадебную процессию.

Мул, украшенный бубенчиками и красными шёлковыми лентами, медленно приближался. У повозки был крытый верх, поэтому разглядеть невесту внутри было невозможно. В деревне сыграть свадьбу с крытой повозкой считалось не только признаком достатка, но и большой честью. Даже на свадьбе Чэнь Сяньюэ и Сунь Цяна, о которой в деревне до сих пор говорили с восхищением, такого размаха не было.

Позади крепкие мужчины несли десять тяжёлых деревянных сундуков и даже один гроб* - всё это входило в приданое невесты. Увиденное тут же вызвало бурные пересуды среди зевак: кто-то завидовал, кто-то восхищался, кто-то язвил - говорили всякое. Для простых земледельцев уже несколько пустых сундуков в приданом считались весьма достойным подарком. А уж шкаф, гроб, чашки и палочки для еды - о таком многие даже мечтать не смели.

(ПП: Почему гроб - часть приданого? В древнем Китае существовал обычай, когда семья невесты готовила свадебный гроб, это считалось символом того, что она входит в семью мужа навсегда (буквально «до гроба»). Кроме того, гроб считался символом богатства и уважения: чем дороже гроб, тем лучше семья. В некоторых регионах это было обязательным элементом приданого, особенно если невеста выходила замуж за старшего сына.)

— Второму сыну семьи Сяо разве что самому в дом невесты войти зятем-чжусюем осталось. Гляньте, какой размах! Вот уж действительно за высокую ветвь ухватились.

— Слышала, невеста - младшая дочь старосты деревни Янлю. И не жалко ему отдавать её в нашу деревню мучиться?

— Как это не жалко? Ради этой свадьбы Сяо Чанфу дал двадцать лян выкупа! Тц-тц.

Женщина нарочно растянула последние слова, подчёркивая сумму, подняла два пальца и широко раскрыла глаза:

— Двадцать лян!

Для земледельцев, которые добывали пропитание тяжёлым трудом на полях, дать за невесту десять лян уже считалось хорошим выкупом. Двадцать лян - это скорее сумма, какую давали за девушку из города. Чтобы накопить столько, им пришлось бы несколько лет пахать землю. Кто бы решился так раскошелиться?

Стоявший рядом пожилой фулан поджал губы:

— Семья Сяо - сплошь деревенщина. Только благодаря старшему сыну, который устроился счетоводом, они и сумели подняться, а теперь захотели взять в дом нежную барышню, чтобы себе цену набить.

Линь Мудун прижимал к себе маленький свёрток и с хрустом щёлкал семечки, невольно наострив уши и какое-то время слушая чужие разговоры.

Толпа двинулась дальше. Он потерял Сяо И из виду, Чжоу Ли и Чэнь Сяньюэ тоже нигде не находились, поэтому ему оставалось лишь следовать за людским потоком к дому старшего дяди семьи Сяо.

Когда невеста входит в дом и начинается свадебный обряд с поклонами, зрителей собирается больше всего. Линь Мудун был фуланом из той же семьи Сяо, поэтому ему наконец не пришлось проталкиваться вперёд. Однако как младший родственник из внутренней части семьи он мог стоять лишь в третьем ряду.

— Первый поклон - Небу и Земле... — церемонию проводил пожилой двоюродный дед семьи Сяо.

Младший сын семьи Сяо опустился на колени, но рядом с ним долго ничего не происходило. Он поднял голову - и лицо его мгновенно стало белым. Невеста стояла перед ним и не желала преклонять колени. Спина у неё была совершенно прямая, сама она стояла лицом к свёкру и свекрови, сложив руки перед животом, а под красной свадебной вуалью смотрела прямо перед собой.

Пожилой двоюродный дед решил, что невеста просто не расслышала, и повторил слова ещё раз. Но она по-прежнему не опустилась на колени.

Среди собравшихся тут же поднялся гул. Лица старшего дяди Сяо и его жены тоже застыли, пальцы крепко вцепились в колени. Они оглянулись на гостей, потом снова посмотрели на новую невестку.

Линь Мудун больше не решался щёлкать семечки и осторожно прикрыл рот ладонью. Да и не только он - всякий, у кого были глаза, прекрасно видел, что происходит.

Младший сын семьи Сяо в этот момент низко опустил голову, стиснул зубы и так крепко сжал кулаки, что пальцы побелели. Женихом был именно он, а новобрачная отказывалась преклонить колени во время свадебного обряда. Как после такого ему жить в деревне и смотреть людям в глаза?!

Жена старшего дяди Сяо прижала дрожащую руку, натянуто рассмеялась и поднялась,

пытаясь сгладить неловкость:

— Не поймите неправильно, только не поймите неправильно. Это обычай у них в деревне Янлю: мужчина преклоняет колени, а женщина - нет.

— Именно так, — Сяо Чанфу погладил бороду, но глаза держал крепко закрытыми.

Пожилому двоюродному деду оставалось только подыграть им и продолжить церемонию. После первого поклона Небу и Земле полагалось поклониться старшим, а затем друг другу.

Новая невестка, вся в красном и серебряных украшениях, лишь поворачивалась в нужную сторону, но коленей так ни разу и не согнула. Так свадебный обряд кое-как и довели до конца.

Линь Мудун принялся искать глазами Сяо И, но двор был забит людьми, и найти его не удалось. После поклонов молодожёнов ещё предстояло проводить в брачные покои, где тоже полагалось соблюсти целый ряд обрядов. Линь Мудун тоже пошёл следом, но в этот раз лишь тихо встал в углу. Он слышал, что на обряд распития свадебного вина хэцзинь можно смотреть со стороны и заодно немного приобщиться к счастью новобрачных. Поэтому Линь Мудун спокойно стоял в углу, ел сладкие красные финики, которые Сяо И тайком сунул ему раньше, и ждал продолжения.

Но церемонию не успели закончить. Прежде упорядоченная толпа вдруг пришла в движение, несколько мужчин рванулись вперёд. Раздался мерзкий, злобный хохот, от которого по коже пробежал холодок, а следом послышался пронзительный крик невесты.

Линь Мудун смутно расслышал слова «шуметь в брачных покоях»* и сразу почувствовал неладное. Он встревоженно встал на цыпочки, пытаясь разглядеть, что происходит внутри, и увидел эту сцену. С девушки уже стащили верхнюю одежду, обнажив часть шеи.

(ПП: «шуметь в брачной опочивальне», старинная китайская свадебная традиция, когда гости врываются в комнату молодожёнов, шутят, поют, задают неловкие вопросы, заставляют молодых пить вино, выполнять разные задания. Часто это переходит в грубые и даже вульгарные развлечения.)

Те мужчины выглядели свирепо и мерзко, скалились жёлтыми зубами, а выражения лиц были непристойными. Линь Мудун сразу вспомнил Лю Мацзы, который когда-то приставал к нему в городке, и по спине пробежал холод.

Жена старшего дяди Сяо плакала и пинала младшего сына, сквозь зубы ругаясь:

— Всё это твои дружки-собутельники!

Среди присутствующих было больше женщин и фуланов, и никто не мог остановить нескольких

рослых мужчин. Даже младшего сына семьи Сяо оттолкнули в сторону.

Линь Мудун поспешно выбежал искать Сяо И. Он видел всё, что только что произошло, а дальше там творилось ещё более непристойное. Ему стало страшно. Он оглядывался по сторонам влажными от слёз глазами и наконец заметил Сяо И за праздничными столами.

Увидев, как маленький фулан идёт к нему с покрасневшими глазами, изо всех сил сдерживая обиду и страх, Сяо И сразу помрачнел:

— Кто тебя обидел?

— Не меня, — Линь Мудун дрожащей рукой вытер слёзы и указал внутрь. — Ты... ты скорее иди туда. Там несколько мужчин...

Остальное он не смог произнести. Но Сяо И уже догадался почти обо всём. Лю Шунь и Дациян тоже были рядом. Все трое схватили палки и быстрым шагом направились в комнату. Ещё несколько знакомых молодых парней, которым происходящее тоже было не по нраву, последовали за ними.

Линь Мудун от испуга даже начал икать. Он погладил себя по груди, стараясь отдышаться, потом заметил рядом ярко-красный финиковый пирог и первым делом откусил кусочек.

Беспокоясь, не случилось ли чего с Сяо И, Линь Мудун снова побежал внутрь. Но не успел он дойти до двери, как несколько отчаянных воплей, казалось, едва не пробили крышу. Тех мужчин с растрёпанной одеждой одного за другим вышвырнули наружу; у некоторых даже штаны были расстёгнуты. Во дворе находилось немало незамужних девушек и гэров. Увидев такое, они с криками закрыли лица руками и в панике выбежали за ворота. Те, кто был таким же робким, как Линь Мудун, уже разрыдались в голос.

Но даже все эти крики вместе не могли сравниться с плачем невесты.

Несколько крепких мужчин, избив зачинщиков, опустили головы и ни разу не взглянули в сторону невесты. Они подобрали окровавленные палки и один за другим вышли наружу. Что до Чжоу Юньфэн, то она то плакала вместе с невестой, то бранилась и замахивалась на младшего сына, но по-настоящему ударить его так и не могла, и в конце концов ей оставалось лишь причитать.

Младший сын семьи Сяо стоял с белым как полотно лицом и только теперь, похоже, окончательно осознал, что произошло. Однако он не стал винить своих так называемых «братьев и друзей», а, напротив, словно выпустил накопившуюся злость - ту самую, что душила его после того, как невеста отказалась преклонить колени на свадебной церемонии. Ноги у него подкосились, и он съёжился на полу. Впервые увидев лицо собственной жены, он даже немного пожалел о случившемся. Невеста была недурна собой, но сейчас она только плакала, и какие бы мысли ни возникли у него прежде, вскоре всё сменилось раздражением.

Что происходило в комнате дальше, Линь Мудун уже не знал. Когда тех нескольких мужчин, устроивших бесчинство, вышвырнули наружу, Ли-гэр и сестра Сяньюэ быстро подхватили его и увели.

Сяо И отвернулся и у колодца смыл с рук кровь, чтобы Линь Мудун её не увидел. Только тщательно вымыв руки, он сказал:

— Бабушка ещё помогает на кухне. Позови её и возвращайтесь домой вместе. Сегодня вам лучше не оставаться в месте, где могут начаться новые неприятности.

Линь Мудун встревоженно посмотрел на него и от волнения даже начал заикаться:

— А-а ты?

— Они наверняка этого так не оставят, их семьи тоже могут прийти разбираться. Я останусь здесь с несколькими молодыми парнями, помогу и прослежу, чтобы дело не разрослось ещё сильнее.

Линь Мудуну по-прежнему было страшно, но он всё же кивнул. У Сяо И были важные дела, а сам он, оставшись здесь, всё равно ничем не сможет помочь.

Сяо И крепко связал нескольких зачинщиков. Линь Мудун позвал бабушку, которая до сих пор ничего не знала о случившемся, и первым делом увёл её домой. Остались лишь Цай Цзиньхуа и ещё несколько пожилых женщин, чтобы помочь прибрать последствия случившегося.

Вот так приличная, достойная свадьба обернулась настоящим скандалом.

Этой ночью в деревне Сяохэ было беспокойно. История, случившаяся в старшей ветви семьи Сяо, просочилась по всей деревне, и никто даже не пытался выяснить, кто именно её разнёс: слишком много людей всё видели своими глазами.

Бамбуковая роща за горой находилась недалеко от деревни. Линь Мудун слышал лишь, как новобрачная из дома старшего дяди Сяо рыдала и кричала, что хочет повеситься. Голос её был пронзительным и отчаянным, и Линь Мудуну стало страшно. К счастью, рядом были бабушка и сестра Сяньюэ, поэтому он всё же не поддался панике. Позже плач стих, и больше никаких звуков оттуда не доносилось.

К этому времени уже подходил к концу час Цзы, а Сяо И и остальные всё ещё не вернулись. Линь Мудун зажёл масляную лампу, сел во дворе и неподвижно смотрел в сторону ворот. Беспокоился не только он - Чэнь Сяньюэ тоже тревожилась. Но от тревоги толку не было. Среди ночи они ведь не могли сейчас пойти туда сами: когда в чужой семье случается такое постыдное дело, посторонних рядом обычно видеть не хотят.

— Не думай лишнего. Скорее всего, пришли семьи тех мужчин, что устроили бесчинство. Может статься, они вообще пробудут там до рассвета. Твоего Сяо И не так-то просто обидеть, а Дациян хоть и глуповат, зато драться умеет. Ничего серьёзного не случится.

Она была старше и считалась сестрой, поэтому, как бы сама ни тревожилась, вслух этого не показывала - сначала нужно было успокоить младшего.

Линь Мудун кивнул. Просидев у ворот довольно долго, он наконец почувствовал голод, вернулся в дом, взял несколько баоцзы и кусочков финикового пирога. Пока они вдвоём ели, ждали и разговаривали, на душе стало гораздо спокойнее.

А вот в старшей ветви семьи Сяо в это время всё уже превратилось в полный хаос. Младший сын семьи Сяо стоял на коленях в родовом храме, и отец чуть не забил его до смерти. Мать с плачем бросилась на сына, прикрывая его собой, и, указав на мужа, закричала:

— Даже тигр не пожирает собственных детёнышей! Если хочешь забить его насмерть, сначала забей меня!

Невеста рыдала, требовала вернуть её в родительский дом и ещё грозилась обратиться в ямэнь!

Сяо Чанфу так разозлился, что дыхание словно застряло в груди. Он поднял дрожащую правую руку, указывая на жену, выругался и с силой ударил палкой о землю. Затем заложил руки за спину и принялся ходить туда-сюда, пытаясь придумать, как разрешить эту ситуацию.

— Об этом ни в коем случае нельзя дать узнать свату. Иначе он нас всех живьём сожрёт.

Новую невестку заткнули, бросили в дровяной сарай и крепко связали по рукам и ногам, так что она не могла издать ни звука.

Что до старшего сына семьи Сяо, днём он ещё радостно разбрасывал арахис и семечки, а теперь уже совершенно растерялся. Он с плачем опустился на колени и, не зная, что делать, сказал:

— Отец, нельзя идти в уезд и подавать жалобу в ямэнь. Если дело раздуется и об этом узнает хозяин, что тогда будет со мной?

Их семья сумела подняться именно благодаря старшему сыну, который служил управляющим-счетоводом в ресторане «Сяньюнь». Если он и правда лишится доброго имени, опора всей семьи рухнет в один миг. Ни в коем случае нельзя было позволить, чтобы эта грязь легла на их головы.

Сяо Чанфу прищурился, и в голове у него тут же созрел план. Когда он высказал свою мысль, у всех домашних по спине пробежал холодок. Неужели это всё ещё тот отец, которого они знали?

Чжоу Юньфэн тоже смотрела на него с недоверием и нерешительно сказала:

— Так ведь нехорошо... Цюжу всё-таки вышла замуж в нашу семью. Если сказать, что она соблазняла мужчин, то потом всю жизнь она...

Сяо Чанфу взглянул на неё:

— Ты хочешь сохранить её доброе имя или будущее всей нашей семьи?

Чжоу Юньфэн больше ничего не сказала. Женщине было трудно перечить мужу. Она обняла сына и так и осталась сидеть на полу, не понимая, как всё могло превратиться в такое. Ведь ещё днём это была хорошая свадьба, с гонгами и барабанами.

<http://bllate.org/book/19002/2040471>